

В Е С Т Н И К ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

№ 4

2026

Том 26

Редакционный совет

Юрген БАЗЕДОВ

Беа ВЕРШРАЕГЕН

В.В. ВИТЯНСКИЙ

Г.А. ГАДЖИЕВ

А.Г. ДОЛГОВ

В. ЕМ

И.С. ЗЫКИН

А.С. КОМАРОВ

Хельмут КОЦИОЛЬ

П.В. КРАШЕНИННИКОВ

А.А. МАКОВСКИЙ (председатель)

Л.Ю. МИХЕЕВА

А.А. НОВОСЕЛОВА

Е.А. СУХАНОВ

В.В. ЧУБАРОВ

В.Ф. ЯКОВЛЕВ

Главный редактор

Е.А. СУХАНОВ

Зам. главного редактора

А.Е. ШЕРСТОБИТОВ

С.В. ТРЕТЬЯКОВ

Ответственные редакторы

М.И. ЛУХМАНОВ

М.А. ПШЕНИЧНИКОВ

И.Р. АБДУЛЛИН

Редакционная коллегия

Е.В. ВЕРШИНИНА, А.В. ЕГОРОВ,

О.М. КОЗЫРЬ, А.Н. КУЧЕР,

А.А. МАКОВСКАЯ, Е.А. ПАВЛОВА,

С.В. САРБАШ, С.А. СИНИЦЫН,

Н.Б. ШЕРБАКОВ, Т.С. ЯЦЕНКО

ISSN 1992-2043

Отдел подписки: mvgp@mvgp.org

Журнал «Вестник гражданского права»
выходит три раза в полугодие,
зарегистрирован Федеральной службой
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Рег. № ФС77-25484 от 14 августа 2006 г.

Учредители:

В. ЕМ, А.А. Маковский, Е.А. Суханов

Издатель: ООО «Издательский дом В. Ема»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.
тел.: +7 (495) 649 18 06; www.mvgp.org

Перепечатка материалов из журнала
«Вестник гражданского права»
допускается только с согласия Издателя.
Ссылка на источник опубликования обязательна.

Издатель или Редакция не дают справок
и консультаций и не вступают в переписку.
Рукописи не возвращаются.
Учредитель, Издатель не несут ответственности
за содержание рекламы и объявлений.

Журнал «Вестник гражданского права»
включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата юридических наук.

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации

CIVIL LAW

REVIEW

No. 4

2026
Vol. 26

Editorial Council

Jürgen BASEDOW

Bea VERSCHRAEGEN

V.V. VITRYANSKY

G.A. GADZHIEV

A.G. DOLGOV

V. EM

I.S. ZYKIN

A.S. KOMAROV

Helmut KOZIOL

P.V. KRASHENINNIKOV

A.L. MAKOVSKY (chairman)

L.Yu. MIKHEEVA

L.A. NOVOSELOVA

E.A. SUKHANOV

V.V. CHUBAROV

V.F. YAKOVLEV

Editor-in-Chief

E.A. SUKHANOV

Deputy Editors-in-Chief

A.E. SHERSTOBITOV

S.V. TRETYAKOV

Managing and Executive Editors

M.I. LUKHMANOV

M.A. PSHENICHNIKOV

I.R. ABDULLIN

Editorial Board

E.V. VERSHININA, A.V. EGOROV,

O.M. KOZYR, A.N. KUCHER,

A.A. MAKOVSKAYA, E.A. PAVLOVA,

S.V. SARBASH, S.A. SINITSYN,

N.B. SHCHERBAKOV, T.S. YATSENKO

ISSN 1992-2043

Subscription Dep.: mvgp@mvgp.org

Founders:

V. Em, A.L. Makovsky, E.A. Sukhanov

The *Civil Law Review* Journal
is being published three times
in a half of the Year.

The *Civil Law Review* is registered
by the Federal Service for supervision
of legislation in mass communications
and cultural heritage protection (Russia).
Reg. No. FS77-25484 of August 14, 2006.

Publisher:

LLC «V. Em Publishing House»

119454, Moscow, Lobachevskogo St., 92,

Bldg. 2.

Phone: +7 (495) 649 18 06; www.mvvp.org

Reprint and republication of all the materials
of the *Civil Law Review* Journal are allowed
only with the consent of the Publisher.
The appropriate reference to the source
of publication is obligatory.

The Publisher and the Editor's office do not
render information and consultations and
do not enter into correspondence. Manuscripts
are not being returned. The Founders and the
Publisher are not responsible for the content
of advertisements and announcements.

The *Civil Law Review* Journal is included
into the official governmental List of leading
peer-reviewed scientific periodicals (Russia).

Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation named after S.S. Alexeev

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО*

С.К. СТЕПАНОВ,

кандидат юридических наук,
доцент департамента частного права НИУ «Высшая школа экономики»,
научный сотрудник кафедры управления активами
МГИМО МИД России

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2026-26-4-7-78>

В статье исследуются перспективы возмещения вреда, причиненного изменением климата, в российском деликтном праве. На основе сравнительно-правового анализа судебной практики Германии, Нидерландов и США показано, что климатические споры все чаще попадают в орбиту деликтного права. Особое внимание уделяется трансформации традиционных элементов деликтной ответственности – вреда, причинно-следственной связи, противоправности. Обосновывается, что российское право в целом располагает необходимым инструментарием для рассмотрения подобных требований, включая иски о возмещении вреда, предупреждении его причинения и ответственности за недостатки товаров. Анализируются теоретические основания климатической ответственности с позиций корректирующей справедливости и делается вывод о том, что основные трудности связаны с необходимостью адаптации существующих институтов к особенностям климатического ущерба.

Ключевые слова: ответственность за изменение климата; экологический деликт; противоправность; глобальное потепление; ответственность крупных эмитентов; корректирующая справедливость.

* Автор выражает искреннюю благодарность А.Е. Шуру за вдохновение, послужившее импульсом к написанию настоящей работы, а также А.А. Маркеловой за ценные замечания и комментарии.

CONTEMPORARY LIMITS OF TORT LIABILITY: CLIMATE CHANGE AND TORT LAW

S.K. STEPANOV,

PhD in Law, Associate Professor, Department of Private Law, HSE University,
Researcher, Department of Asset Management, MGIMO University

This article examines the prospects of using Russian tort law to compensate for harm caused by climate change. Drawing on a comparative analysis of case law from Germany, the Netherlands, and the United States, it demonstrates that climate-related disputes are increasingly falling within the scope of tort law. Particular attention is paid to the transformation of the traditional elements of tort liability, including harm, causation, and wrongfulness. The article argues that Russian law generally possesses the necessary legal tools to address such claims, including actions for damages, preventive injunctions, and product liability claims. It also explores the theoretical foundations of climate liability from the perspective of corrective justice and concludes that the principal challenges lie in adapting existing legal doctrines to the distinctive features of climate-related harm.

Keywords: climate change liability; environmental tort; wrongfulness; global warming; liability of major emitters; corrective justice.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

К числу основных задач правопорядка относятся, с одной стороны, поддержание уже достигнутого уровня общественного развития, с другой – создание условий для реализации человеческого потенциала¹. Это предполагает определение круга интересов, подлежащих правовому признанию и защите, а также установление оснований и механизмов их обеспечения. При этом важно учитывать, что объем защиты таких интересов варьируется в зависимости от конкретного исторического периода и соответствующей правовой системы. Показателен в этом отношении пример чисто экономических убытков – еще 20–30 лет назад в отечественной доктрине сама постановка вопроса об их возмещении была бы весьма затруднительной. Следовательно, универсальные критерии признания и защиты интересов (разработка неких юридических постулатов) не поддаются

¹ Kohler J. Moderne Rechtsprobleme. 2. Aufl. Leipzig; Berlin: B.G. Teubner, 1913. S. 1.

ся окончательной и неизменной формализации¹. По этой причине важнейшая цель состоит в выявлении и артикуляции формирующихся в обществе притязаний и ожиданий, подлежащих последующему правовому признанию². Мы полагаем, что климат и связанное с ним состояние окружающей среды могут рассматриваться как один из таких интересов.

В 1992 г. была принята Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, в преамбуле которой прямо признается, что антропогенное увеличение концентрации парниковых газов в атмосфере ведет к потеплению поверхности и атмосферы Земли, а также способно неблагоприятно воздействовать на природные экосистемы и человечество³. Более 190 государств ратифицировали этот документ, основная цель которого сводится к «стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему»⁴. Показательно в сравнительно-правовом отношении, что более половины из 195 государств мира – по одной из оценок, 109 государств – закрепляют положения об экологии на конституционном уровне; при этом ни одна из современных конституций не обходится без подобных норм, а более ранние конституции последовательно изменяются с целью их включения⁵.

Именно с 1992 г. следует связывать формирование конвенционально закрепленного представления о том, что изменение климата обусловлено антропогенными факторами⁷. К 2023 г. это представление получает высокую степень науч-

¹ В связи с этим определенный интерес представляет попытка Р. Паунда разработать пять правовых постулатов, характерных для правовой системы Соединенных Штатов Америки к середине XX в. Укажем лишь на первый, четвертый и пятый из них: I) в цивилизованном обществе люди должны иметь возможность исходить из того, что другие не будут совершать в отношении них умышленных посягательств; IV) в цивилизованном обществе люди должны иметь возможность исходить из того, что лица, осуществляющие определенный образ поведения, будут действовать с надлежащей осмотрительностью и не будут создавать необоснованный риск причинения вреда другим; V) в цивилизованном обществе люди должны иметь возможность исходить из того, что лица, владеющие или использующие источники повышенной опасности, будут удерживать их под контролем и не допускать причинения вреда окружающим (*Pound R. Jurisprudence. Vol. III: The Scope and Subject Matter of Law; Sources, Forms, Modes of Growth.* St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1959. P. 8–10).

² *Kohler J. Lehrbuch der Rechtsphilosophie.* 3. Aufl., neu bearb. und hrsg. von A. Kohler. Berlin; Grunewald: Dr. Walther Rothschild, 1923. S. 47.

³ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (заключена в г. Нью-Йорке 9 мая 1992 г.) // СЗ РФ. 1996. № 46. Ст. 5204. Документ вступил в силу для России 28 марта 1995 г.

⁴ Статья 2 Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

⁵ *Hayward T. Constitutional Environmental Rights.* Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 22.

⁶ *Blomquist R.F. Comparative Climate Change Torts* // *Valparaiso University Law Review.* 2012. Vol. 46. Iss. 4. P. 1060.

⁷ Хотя историю появления имплицитной обязанности по сокращению выбросов парниковых газов можно изобразить несколько сложнее. Дело в том, что уже в 1827 г. французский физик

ного подтверждения в докладах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC)¹.

Из изложенного следует, что проблема ухудшения окружающей среды традиционно осмысливается на уровне международного и национального публичного права. Вместе с тем во многих правовых порядках изменение климата в последние годы все чаще становится предметом деликтных споров, т.е. рассматривается в рамках частноправовых притязаний потерпевших к корпорациям – эмитентам парниковых газов².

Подобно тому как железнодорожные катастрофы и производственный травматизм во второй половине XIX в. обусловили признание ответственности за реализацию риска, а автомобильные аварии и вред, причиненный дефектной продукцией, уже в XX в. послужили предпосылкой становления *product liability*, изменение климата и, шире, ухудшение состояния окружающей среды требуют переосмысления пределов деликтной ответственности³.

Ж.-Б.Ж. Фурье выдвинул гипотезу о парниковом эффекте; в 1890-е гг. Сванте Аррениус и П.К. Чемберлен независимо пришли к выводу о возможном потеплении вследствие роста концентрации CO₂; в 1957 г. Р. Ревел охарактеризовал выбросы парниковых газов как «крупномасштабный геофизический эксперимент», а Ч. Килинг начал систематические измерения уровня CO₂; в 1979 г. первая Всемирная климатическая конференция призвала к предотвращению антропогенных изменений климата; в 1985 г. международная конференция в Виллахе предупредила о значительном росте глобальной температуры и уровня моря; в 1988 г. Дж. Хансен заявил о начале глобального потепления, а также была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (IPCC); наконец, в 1990 г. ее первый доклад зафиксировал рост температуры и подчеркнул необходимость срочных мер по сокращению выбросов (более подробно см.: *Hunter D., Salzman J. Negligence in the Air: The Duty of Care in Climate Change Litigation* // *University of Pennsylvania Law Review*. 2007. Vol. 155. No. 6. P. 1771–1772).

¹ Если, к примеру, в 2007 г. в докладе IPCC говорилось о том, что различные экстремальные явления (включая волны жары, засухи, обильные осадки, тропические штормы и штормовые нагоны) с вероятностью от «скорее да, чем нет» (*more likely than not*) до «вероятно» (*likely*) обусловлены антропогенным изменением климата, то в более поздних докладах (2021–2023 гг.) говорится уже о несомненном (*unequivocal*) влиянии человечества на экстремальные явления (см.: *Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Summary for Policymakers*. Geneva: IPCC, 2021. P. 4 (https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_SPM.pdf)).

² Для Германии см.: *Schirmer J.-E. Climate Liability after Lliuya v RWE: Causation and Duty Demystified* // *Journal of European Tort Law*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 265–295; *Wagner G., Arntz A. Liability for Climate Damages under the German Law of Torts* // *Climate Change Litigation* / Ed. by W. Kahl, M.P. Weller. München: Beck; Hart; Nomos, 2021. P. 405–428; *Semmelmayr P. Climate Change and the German Law of Torts* // *German Law Journal*. 2021. Vol. 22. No. 8. P. 1569–1582; для США см.: *Kysar D.A. What Climate Change Can Do About Tort Law* // *Environmental Law*. 2011. Vol. 41. No. 1. P. 1–71; *Hunter D., Salzman J. Op. cit.* P. 101–155; *Blomquist R.F. Op. cit.* P. 1053–1075; для Франции см.: *Neyret L. L'affaire Erika: moteur d'évolution des responsabilités civile et pénale* // *Recueil Dalloz*. 2010. No. 34. P. 2238–2246; для Новой Зеландии и Нидерландов см.: *Downs S. Civil Liability for Climate Change? The Proposed Tort in Smith v Fonterra with Reference to France and the Netherlands* // *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. 2024. Vol. 33. No. 1. P. 31–44.

³ *Kysar D.A. Op. cit.* P. 6.

Возникает вполне обоснованный вопрос: почему именно деликтное право? Неужели нельзя разработать международно-правовой или иной публично-правовой механизм, направленный на сокращение выбросов CO₂? Такие попытки действительно предпринимались: в 1997 г. был подписан Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата, в соответствии с которым создана система торговли выбросами, представляющая собой рыночный способ регулирования, основанный на установлении общего предельного уровня выбросов и распределении между участниками соответствующих квот¹. Участники, сокращающие выбросы ниже установленного уровня, получают возможность реализовывать избыточные квоты, тогда как лица, превышающие установленный лимит, обязаны приобретать дополнительные разрешения на выбросы. Тем самым достигается перераспределение усилий по сокращению выбросов в пользу тех субъектов, для которых такие меры являются наименее затратными.

Проблема, однако, заключается в том, что крупнейшие государства-эмитенты парниковых газов нередко уклоняются от участия в соответствующих соглашениях (к примеру, США до сих пор не ратифицировали Киотский протокол). Показательно, что и при установлении второго периода обязательств по Киотскому протоколу ряд государств, включая Россию, Японию и США, отказались от участия².

Разработка национального публично-правового механизма регулирования выбросов сопряжена с существенными институциональными трудностями в ситуациях, когда основные эмитенты парниковых газов представлены компаниями, находящимися под контролем государства. Как нетрудно догадаться, это характерно для России³.

Указанные обстоятельства демонстрируют структурную ограниченность подобных механизмов. В этой связи в доктрине выдвигается ряд аргументов в пользу того, что именно деликтное право может выступить эффективным инструментом для снижения выбросов парниковых газов.

Итак, первый довод заключается в способности деликтного права формировать эффективную систему стимулов для крупнейших эмитентов парниковых газов⁴. Его суть состоит в том, что потенциальные причинители вреда с большей

¹ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (подписан в г. Киото 11 декабря 1997 г.; с изм. от 8 декабря 2012 г.) // СЗ РФ. 2005. № 10. Ст. 764. Россия ратифицировала данный документ с заявлением (Федеральный закон от 4 ноября 2004 г. № 128-ФЗ). Документ вступил в силу, в том числе для России, 16 февраля 2005 г.

² Дубовик О.Л. Современные эколого-правовые конфликты в области охраны климата и борьбы с глобальным потеплением // Экологическое право. 2018. № 5. С. 37–42.

³ Mucklow Cheremeteff F., Gutbrod M., Ratsiborinskaya D., Sitnikov S. Russia // *Climate Change Liability: Transnational Law and Practice* / Ed. by R. Lord, S. Goldberg, L.J. Rajamani, C. Brunnée. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 503–504.

⁴ Hinteregger M. Civil Liability and the Challenges of Climate Change: A Functional Analysis // *Journal of European Tort Law*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 246.

вероятностью адаптируют свое поведение при наличии реальной возможности привлечения их к деликтной ответственности. Разумеется, сходного эффекта можно достичь и посредством публично-правовых регулятивных механизмов. Однако преимущество внедоговорной ответственности заключается в создании более «тонкой» системы, поскольку, по общему правилу, на делинквента возлагается обязанность возместить лишь тот вред, который им фактически причинен. В силу этого риск искажения рыночных механизмов (как в форме чрезмерного, так и недостаточного сдерживания) оказывается ниже по сравнению с использованием универсальных регулятивных инструментов публичного права.

Сама угроза наступления ответственности побуждает потенциальных причинителей вреда учитывать риски своих действий и формирует стимулы к их корректировке, направленной на минимизацию ожидаемых издержек причинения ущерба в собственных экономических интересах. При этом превентивный эффект деликтного права не исчерпывается воздействием на поведение сторон конкретного спора. Напротив, он распространяется значительно шире, поскольку благодаря публичности и общественному резонансу соответствующих дел формируются поведенческие ориентиры для иных потенциальных загрязнителей, находящихся в сопоставимом положении¹.

Второй аргумент состоит в том, что по сравнению с другими механизмами – будь то международно-правовые или публичные схемы возмещения вреда, требующие длительных и сложных процедур формирования, – деликтное право выступает в качестве уже сложившейся инфраструктуры, способной к восприятию новых типов вреда². При этом, несмотря на преимущественно национальный характер, деликтные конструкции обладают высокой степенью универсальности. Так, практически все правовые порядки предусматривают нормы о внедоговорной ответственности, которые могут быть адаптированы к случаям причинения климатического вреда.

Наконец, третье соображение связано с трансграничным потенциалом деликтных споров. В отличие от публично-правовых систем возмещения, действие которых, как правило, ограничено пределами соответствующего государства, гражданско-правовая ответственность выходит за границы одной юрисдикции. В частности, требования о возмещении вреда могут предъявляться к иностранным лицам в национальных судах либо за рубежом, с последующим признанием и исполнением судебных решений в иных государствах³.

¹ Hinteregger M. Op. cit. P. 245.

² Ibidem.

³ Право Европейского союза, в частности, уже предусматривает сравнительно благоприятные для потерпевших правила в случаях причинения трансграничного вреда – как в части определения юрисдикции и исполнения судебных решений, так и при выборе применимого права. См.: ст. 7(2) Регламента № 1215/2012 Европейского парламента и Совета ЕС «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)» (принят в г. Страсбурге 12 декабря 2012 г.; с изм. и доп. от 26 ноября 2014 г.), а также ст. 4 и 7

Вместе с тем применение инструментария деликтного права не лишено существенных ограничений. Представляется необходимым уже на вводном этапе обозначить основные из них, поскольку, как будет показано позже, судебная практика различных правовых порядков сталкивается, по существу, с однородным кругом проблем, характерных для дел, связанных с изменением климата.

Главное препятствие – отсутствие прямой причинно-следственной связи между выбросами парниковых газов конкретным эмитентом и причиненным вредом¹. Парниковые газы (углекислый газ, метан и закись азота) не воздействуют непосредственно на истцов, а накапливаются в атмосфере и со временем приводят к повышению температуры Земли². Непосредственной причиной вреда в действительности выступает природное явление (шторм, жара, осадки и т.п.). Г. Вагнер и А. Арнтц сформулировали это так: «Изменение климата, обусловленное выбросами парниковых газов, является глобальным явлением, в которое вовлечен каждый эмитент на планете – как ныне живущий, так и тот, кто существовал ранее. Дополнительно значительную роль в изменении климата играют такие факторы, как вырубка лесов и рост численности населения. В этих условиях выделение индивидуальной причинной связи в рамках двустороннего спора между потерпевшим и одним или несколькими эмитентами оказывается сложной задачей»³. Отсюда же следует другая проблема: вред, вызванный антропогенным изменением климата, во многих случаях невозможно отличить от вреда, вызванного природными явлениями, не обусловленными выбросами⁴.

Еще одним дискуссионным аспектом выступают вина и противоправность как условия ответственности. Выбросы углекислого газа сами по себе не признаются противоправными. Так, они не запрещены *per se* и в значительной степени являются неизбежным следствием обычной хозяйственной и даже повседневной деятельности. Многие виды экономической активности в принципе невозможны без соответствующих выбросов⁵.

Указанные проблемы обуславливают структуру статьи. В первой части анализируется наиболее значимая судебная практика, связанная с предъявлением исков к крупнейшим эмитентам парниковых газов, а также рассматривается

Регламента № 864/2007 Европейского парламента и Совета ЕС «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II»)» (принят в г. Страсбурге 11 июля 2007 г.). Российское право также содержит положения, в определенной степени ориентированные на защиту интересов потерпевших в трансграничных деликтных обязательствах (см. ст. 1219 ГК РФ; наряду с этим процессуальное законодательство (ст. 402 ГПК РФ, ст. 247 АПК РФ) предусматривает возможность предъявления исков к иностранным ответчикам в российских судах).

¹ Kysar D.A. Op. cit. P. 40.

² Hinteregger M. Op. cit. P. 240.

³ Wagner G., Arntz A. Op. cit. P. 420.

⁴ Hinteregger M. Op. cit. P. 240.

⁵ Wagner G., Arntz A. Op. cit. P. 427–428.

аргументация судов. Во втором разделе исследуется возможность обоснования деликтной ответственности за изменение климата с позиций корректирующей и дистрибутивной справедливости. В третьей части оцениваются перспективы развития ответственности за изменение климата в российском праве.

Прежде чем мы приступим к основной части, следует сделать ряд замечаний методологического характера. На первый взгляд может показаться, что рассматриваемые далее проблемы ограничиваются узкой сферой изменения климата. Однако такой вывод является преждевременным. Настоящее исследование призвано выполнить более амбициозную задачу – проиллюстрировать расширение пределов деликтной ответственности до защиты неконвенциональных благ¹. Изменение климата выступает в данном случае лишь показательным примером, поскольку именно здесь трансформации одновременно подвергаются все традиционные условия гражданско-правовой ответственности: вред, причинно-следственная связь, вина и противоправность. Роль деликтного права заметно отклоняется от его классического понимания. С известной долей условности можно утверждать, что оно все чаще выполняет функцию регулятивного воздействия на социальные процессы, на которую в свое время обращали внимание представители правового реализма и которая в современной доктрине получила достаточно широкое признание².

1. ПРОБЛЕМЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

1.1. Соединенные Штаты Америки

Соединенные Штаты стали пионером в постановке вопроса о возможности привлечения к ответственности крупнейших эмитентов парниковых газов за причинение климатического вреда. С начала 2000-х гг. американские суды рассмотрели десятки соответствующих дел, тогда как объем доктринальных источников, посвященных данной проблематике, приобрел поистине масштабный характер³.

¹ В отношении которых отсутствует устойчивый общественный и моральный консенсус относительно того, подлежит ли соответствующий интерес деликтной защите. При этом включение новых интересов в орбиту деликтной защиты само по себе представляет сложный процесс, требующий разработки убедительной объяснительной модели. Более подробно см.: *Степанов С.К.* Баланс интересов сторон в деликтном праве // *Вестник гражданского права*. 2023. № 4. С. 90–126.

² Более подробно об этом см.: *Green L.* Tort Law Public Law in Disguise (Part I) // *Texas Law Review*. 1959. Vol. 38. No. 1. P. 1–13; *Posner R.A.* Cardozo: A Study in Reputation. Chicago; London: University of Chicago Press, 1990. См. также: *Philosophy and the Law of Torts* / Ed. by G.J. Postema. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

³ Обзор источников см.: *Kysar D.A.* Op. cit. P. 3.

Наиболее показательным и обсуждаемым является дело *Native Village of Kivalina v. ExxonMobil Corp (Kivalina)*¹, в рамках которого муниципальное образование Кивалина (штат Аляска) и представляющий интересы примерно четырехсот жителей (инуитских эскимосов) племенной совет предъявили иск к двадцати четырем нефтяным, энергетическим компаниям, требуя компенсации расходов, связанных с необходимостью переселения всей деревни. Дело в том, что органы публичной власти (Инженерный корпус армии США и Счетная палата) пришли к выводу о необходимости срочного переноса Кивалины в связи с возросшим риском эрозии, обусловленным таянием вечной мерзлоты, сокращением морского льда и иными проявлениями изменения климата. Примечательным является и то обстоятельство, что истцы ограничили размер своих требований исключительно взысканием расходов на переселение, которые уже были известны из официальных отчетов.

Потерпевшие обратились с иском в Окружной суд США Северного округа Калифорнии, заявив четыре взаимосвязанных требования. Центральное место занимало требование о причинении вреда неопределенному кругу лиц (*public nuisance*), основанное на федеральном общем праве и связанное с тем, что ответчики внесли существенный вклад в глобальное потепление посредством выбросов парниковых газов. Кроме того, были заявлены требования о гражданском сговоре (*civil conspiracy*) и ответственности за согласованные действия (*concert of action*), поскольку, по мнению пострадавших, энергетические компании на протяжении десятилетий тратили миллионы долларов на введение американской общественности в заблуждение относительно связи между глобальным потеплением и использованием ископаемого топлива². Иск Кивалины был отклонен на ранней стадии процесса, вследствие чего суд не перешел к рассмотрению заявленных требований по существу.

Вместе с тем данное дело получило широкое освещение в американской доктрине. Представляется необходимым, с одной стороны, более подробно рассмотреть аргументацию суда, а с другой – проанализировать различные способы преодоления сложившегося консервативного подхода.

В своем решении суд сосредоточился на ходатайстве ответчиков об отклонении иска, признав его определяющим³. Важно понимать, что юрисдикция федеральных судов США ограничена как федеральным законодательством, так и ст. III Конституции США, определяющей полномочия судебной власти. По этой при-

¹ *Native Village of Kivalina v. ExxonMobil Corp.*, 663 F. Supp. 2d 863 (N.D. Cal. 2009) (https://www.climatecasechart.com/collections/native-village-of-kivalina-v-exxonmobil-corp_413ab5).

² Complaint (pp. 47–62) in: *Native Village of Kivalina v. ExxonMobil Corp.*, 663 F. Supp. 2d 863 (N.D. Cal. 2009) (No. CV 08-1138 SBA).

³ Здесь и далее по тексту ходатайство ответчиков излагается по: Leone L. Putting the Heat on the Fossil Fuel Industry: Using Products Liability in Climate Change Litigation // Boston University Public Interest Law Journal. 2012. Vol. 21. Iss. 2. P. 381–383.

чине истец должен доказать ряд пороговых предпосылок допустимости иска в федеральном суде. К числу таких обстоятельств, в частности, относятся отсутствие политического вопроса (*political question doctrine*)¹, а также наличие у истца процессуальной правоспособности на предъявление иска в федеральный суд (*standing*). Последняя предполагает демонстрацию трех элементов: фактического вреда (*injury in fact*), причинной связи и возможности судебного восстановления нарушенного права (*redressability*)².

Ответчики же вправе выдвигать возражения. В рассматриваемом деле они утверждали, что суд не обладает юрисдикцией по рассмотрению требования истцов о *public nuisance*, поскольку это неизбежно повлекло бы вынесения политического решения, несовместимого с осуществлением судебной власти. Кроме того, потерпевшие не обладали процессуальной правоспособностью, ввиду отсутствия прослеживаемой причинной связи между заявленным вредом и действиями ответчиков (*fairly traceable*).

Суд отметил, что, хотя само по себе наличие политического вопроса не исключает судебного вмешательства, разрешение данного спора сталкивается с отсутствием применимых юридических стандартов, позволяющих надлежащим образом оценить заявленное требование. В частности, оценка «неразумности» в рамках деликта *public nuisance* потребовала бы сопоставления глобального вреда от выбросов с экономической и социальной полезностью использования ископаемого топлива, а также анализа альтернативных источников энергии³. Подобная деятельность выходит за пределы судебной компетенции.

Дополнительно суд указал на то, что привлечение к ответственности обозначенных эмитентов носило бы в значительной степени произвольный характер, поскольку они представляют лишь часть глобальных эмитентов⁴. Это означало бы фактическое возложение на суд функции перераспределения издержек изменения климата, что также относится к сфере политических решений.

В совокупности указанные обстоятельства позволили суду заключить, что требование истцов о *public nuisance* представляет собой политический вопрос, непод-

¹ Доктрина политического вопроса, укорененная в принципе разделения властей, ограничивает пределы судебной власти. В соответствии с ней иск не подлежит рассмотрению в тех случаях, когда разрешение спора неизбежно требует от суда выйти за рамки правового анализа и фактически подменить его принятием решения, носящего политический характер (см.: *Leone L. Op. cit.* P. 379). В решении по делу *Baker v. Carr* Верховный суд США сформулировал шестичастный тест для определения того, относится ли заявленное требование к числу неподлежащих судебному рассмотрению в силу доктрины политического вопроса. При этом наличие любого из указанных факторов рассматривается как достаточное основание для отказа в судебном рассмотрении требования (см.: *Baker v. Carr*, 369 U.S. 186, 210 (1962) (<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/369/186/>)).

² *Leone L. Op. cit.* P. 379.

³ *Native Village of Kivalina v. ExxonMobil Corp.*, 663 F. Supp. 2d 863 (N.D. Cal. 2009). P. 11.

⁴ *Ibid.* P. 16–19.

лежащий судебному рассмотрению. Наряду с этим суд отметил, что причинная связь между вредом и выбросами ответчиков является чрезмерно отдаленной.

Деликт *public nuisance*. Когда речь заходит об изменении климата в правовых порядках общего права, практически неизбежно обращение к конструкции *public nuisance*. Под ней традиционно понимается неразумное вмешательство в право, принадлежащее неопределенному кругу лиц, т.е. обществу в целом¹. В доктрине устойчиво подчеркивается, что *public nuisance* характеризуется высокой степенью концептуальной гибкости, благодаря которой играет важную роль, дополняя установленные законом механизмы экологического регулирования, в особенности применительно к новым, ранее неизвестным угрозам².

Причинение вреда окружающей среде представляет собой типичный пример деликта *public nuisance*. Более того, законы о защите экологии в правовых порядках общего права во многом являются кодификацией разработанных судами подходов в делах о *public nuisance*: «Корни современного экологического права лежат в принципах *nuisance*... Иски о *nuisance* касались загрязнения воздуха, воды, земли... Эти притязания затрагивали практически все основные виды промышленной... деятельности, которые сегодня являются предметом комплексного экологического регулирования»³.

Истец по иску о *public nuisance* должен доказать наличие неразумного вмешательства в право, принадлежащее обществу в целом, причинение значимого вреда общественным интересам, а также причинную связь между деятельностью ответчика и данным вредом.

В качестве иллюстрации можно привести известное дело *Georgia v. Tennessee Copper Co.*, в котором штат Джорджия, действуя от имени своих граждан ради защиты общественного интереса (*parens patriae*), обратился в суд к промышленным предприятиям, расположенным на территории другого штата, в связи с выбросами сернистых газов, причинявшими вред окружающей среде и сельскому хозяйству на его территории⁴. В результате Верховный суд встал на сторону штата и выдал судебный запрет.

¹ Restatement (Second) of Torts § 821B(1). St. Paul, Minn.: American Law Institute Publishers, 1965 ([² Pawa M.F., Krass B.A. Global Warming as a Public Nuisance: Connecticut v. American Electric Power // Fordham Environmental Law Review. 2005. Vol. 16. No. 3. P. 440.](https://matthewminer.name/law/outlines/1L/2nd+Semester/LAW+512-001+-+Torts+II/R2T+§+821B#:~:text=A%20public%20nuisance%20is%20an,common%20to%20the%20general%20public); Case L. Climate Change: A New Realm for Tort Litigation, and How to Recover When the Litigation Heats Up // Santa Clara Law Review. 2011. Vol. 51. No. 1. P. 265, 271; Horsey K., Rackley E. Tort Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 556.</p></div><div data-bbox=)

³ Cox v. City of Dallas, 256 F.3d 281 (5th Cir. 2001) (<https://caselaw.findlaw.com/court/us-5th-circuit/1016615.html>).

⁴ Georgia v. Tennessee Copper Co., 206 U.S. 230 (1907) (<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/206/230/>).

Это решение значительным образом отличается от рассмотренного нами ранее дела *Native Village of Kivalina v. ExxonMobil Corp. (Kivalina)* тем, что в первом случае речь шла о локализуемом и непосредственно прослеживаемом загрязнении, напротив, в последнем деле истцы при обосновании своей процессуальной правоспособности столкнулись с трудностями в доказывании причинно-следственной связи.

Однако, как было отмечено, потерпевшие от изменения климата нередко ссылаются на деликт *public nuisance*, при обосновании своих требований. Так, в деле *Comer v. Murphy Oil USA, Inc.* истцы, пострадавшие в результате урагана «Катрина», проиллюстрировали обстоятельства, подлежащие доказыванию следующим образом: «Ответчики умышленно осуществляли использование принадлежащего им имущества и ведение хозяйственной деятельности таким образом, который является неправомерным и неразумным, включая добычу, бурение, производство, выброс, выпуск и (или) сжигание веществ, приводящих к образованию значительных объемов парниковых газов. Поведение ответчиков вызывает существенное посягательство, выражающееся в причинении вреда как обществу в целом, так и истцам, в частности»¹.

Одним из ключевых элементов *public nuisance* представляется неразумность вмешательства, которая представляет собой оценочное суждение, достигаемое путем сопоставления общественной полезности соответствующей деятельности с тяжестью причиняемого вреда². Иными словами, разрешение спора о *nuisance* зависит не от субъективной оценки истца, а от того, признали бы разумные лица, рассматривая ситуацию всесторонне, беспристрастно и объективно, такое вмешательство неразумным. Как отметил в одном из дел суд, «в каждой ситуации требуется взвесить конкурирующие интересы в соответствии с объективными правовыми критериями, сравнивая тяжесть вреда для истца с полезностью поведения ответчика»³. Получается, что в контексте *public nuisance* суду надлежит, помимо прочего, оценить альтернативные способы производства энергии, доступные в прошлом, и их влияние на многие показатели, включая надежность соответствующих источников энергии, соображения безопасности, а также последствия использования различных альтернатив для потребителей и бизнеса на всех уровнях. После этого, сопоставить выгоды от поведения, обуславливающее выбросы парниковых газов, с риском того, что их увеличение, в свою очередь, повышает вероятность причинения вреда, например, как в рассмотренном ранее деле, затопления прибрежных территорий в удаленных районах Аляски.

¹ Third Amended Complaint in *Comer v. Murphy Oil U.S.A.* No. 1:05-CV-00436-LTS-RHW (S.D. Miss. Apr. 18, 2006). P. 16. (цит. по: *Hunter D., Salzman J.* Op. cit. P. 114).

² *Native Village of Kivalina v. ExxonMobil Corp.*, 663 F. Supp. 2d 863 (N.D. Cal. 2009). P. 10–11.

³ *Florida East Coast Properties, Inc. v. Metropolitan Dade County*, 572 F.2d 1108 (5th Cir. 1978) (<https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/572/1108/451715/>).

В результате столь сложные требования как к доказыванию, так и к деятельности суда в рамках деликта *public nuisance* во многом определяют его ограниченную пригодность в качестве инструмента возмещения вреда, причиненного изменением климата.

С 2023 г. в суде штата Калифорния рассматривается дело *People of the State of California v. Exxon Mobil Corp. et al.*, в котором истец – штат Калифорния – попытался обойти сформировавшиеся ограничения, связанные с деликтом *public nuisance*. Как следует из искового заявления, избранная стратегия направлена на преодоление федеральных процессуальных барьеров посредством переквалификации федерального спора в деликтный спор по праву штата¹. Так, утверждается, что ответчики своими действиями и бездействием «создали, способствовали и усугубили» климатический кризис². Более того, подчеркивается, что компании на протяжении десятилетий знали о причинной связи между использованием ископаемого топлива и глобальным потеплением, однако не только продолжали активно продвигать изготовленные ими товары, но и сознательно вводили в заблуждение потребителей и публичную власть, распространяя ложную информацию и тем самым препятствуя развитию климатического законодательства. Такое поведение, по мнению штата, привело к увеличению объема выбросов и усилению негативных последствий изменения климата, среди которых экстремальные погодные явления, деградация экосистем и ущерб инфраструктуре.

Квалифицируя подобные требования в качестве *public nuisance*, истец обращает внимание на наличие существенного и неразумного вмешательства в права, принадлежащие неопределенному кругу лиц. При этом «неразумность» как необходимый реквизит обосновывается совокупностью обстоятельств, включающих значительный масштаб причиняемого вреда, его явное превышение над социальной полезностью деятельности ответчиков, их осведомленность о рисках, а также умышленный характер поведения, выразившийся в сокрытии информации, распространении ложной информации и стимулировании потребления товаров, усугубляющих климатический кризис³.

¹ Complaint for Abatement, Equitable Relief, Penalties, and Damages in *People of the State of California v. Exxon Mobil Corp. et al.* Superior Court of the State of California, County of San Francisco, 2023 // https://www.climatecasechart.com/documents/california-filed-climate-change-action-against-fossil-fuel-industry-defendants_6005.

² «Ответчики, как по отдельности, так и совместно, своими действиями обусловили возникновение и развитие... климатического вреда на территории штата Калифорния. В частности, они активно стимулировали продажу и использование товаров на основе ископаемого топлива, заведомо осознавая, что такая деятельность неизбежно приведет к возникновению либо усилению изменения климата и сопряженных с ним последствий, включая экстремальные температурные явления, засухи, рост риска лесных пожаров, ущерб общественному здоровью, экстремальные погодные события и повышение уровня моря» (Complaint for Abatement, Equitable Relief, Penalties, and Damages in *People of the State of California v. Exxon Mobil Corp. et al.* Superior Court of the State of California, County of San Francisco, 2023. P. 120).

³ Можно привести ряд цитат из искового заявления, иллюстрирующие неразумность: «Руководители нефтегазовых компаний на протяжении десятилетий знали, что зависимость от ископае-

Даже столь существенное изменение акцентов (попытка рассмотрения спора по праву штата, дополнение *public nuisance* элементами введения в заблуждения и умышленного поведения ответчиков) не разрешает основных проблем, связанных с установлением причинной связи в условиях множественности эмитентов парниковых газов, а также с отсутствием ясных стандартов для оценки неразумности вмешательства в контексте глобальных климатических процессов. В этой связи наиболее вероятным представляется сценарий, при котором требования будут отклонены полностью либо частично.

Деликт *negligence*. В американской доктрине в качестве одного из возможных оснований ответственности за вред, обусловленный изменением климата, предлагается рассматривать деликт из неосторожности (*negligence*)¹. Так, его существенными элементами являются: обязанность проявлять должную осмотрительность (*duty*), ее нарушение (*breach*), причинная связь (*causation*) и вред (*injury*)².

Наибольший интерес в рамках этого деликта приобретает анализ обязанности проявлять должную осмотрительность. Можно выделить несколько подходов к ее установлению. Во-первых, используется оценка социальной полезности поведения, получивший классическое выражение в формуле Л. Хэнда. Во-вторых, применяются многофакторные тесты, позволяющие учитывать более широкий круг обстоятельств, выходящих за пределы формализованного соотношения затрат и рисков. Наконец, в-третьих, существенное значение придается отраслевым обычаям (*industry custom*), отражающим стандарты поведения, сложившиеся в соответствующей сфере деятельности.

1. Итак, распространенным способом определения небрежности является сопоставление издержек предотвращения вреда с ожидаемыми потерями от соответствующей деятельности. Классическим выражением этого подхода служит формула, предложенная судьей Л. Хэндом в деле *United States v. Carroll Towing Co.*³ Согласно этой формуле, нередко именуемой «калькуляцией небрежности», ответственность за неосторожность возникает в том случае, если бремя

мого топлива приведет к катастрофическим последствиям, однако скрывали эту информацию от общества и государственных органов, активно распространяя дезинформацию по данному вопросу. Их действия привели к запоздалой общественной реакции на проблему глобального потепления» (с. 4); «Индивидуальные и совокупные действия ответчиков являлись существенным фактором, обусловившим возникновение климатически обусловленного вреда, причиненного штату» (с. 6); «Масштаб пагубного воздействия нарушения ответчиков, вызванного их вопиюще неправомерным поведением, поистине колоссален, и Калифорния будет вынуждена сталкиваться с последствиями этих действий на протяжении многих поколений» (с. 6).

¹ Hunter D., Salzman J. Op. cit. P. 101–155.

² Goldberg J.C.P., Zipursky B.C. The Restatement (Third) and the Place of Duty in Negligence Law // Vanderbilt Law Review. 2001. Vol. 54. Iss. 3. P. 657.

³ *United States v. Carroll Towing Co.*, 159 F.2d 169 (2d Cir. 1947) (<https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/159/169/1565896/>).

предотвращения вреда (В) оказывается меньше произведения вероятности его наступления (Р) и тяжести возможных последствий (L). В определенном смысле это правило получило нормативное воплощение в *Restatement (Second) of Torts*, согласно которому «если поведение является таким, что разумный человек признал бы его сопряженным с риском причинения вреда другому, то подобный риск считается неразумным, а поведение – небрежным, когда величина риска превышает ту полезность, которую право придает самому действию или способу его осуществления»¹.

Применительно к климатическим спорам данный подход сталкивается с существенными методологическими и практическими затруднениями. Оценка вероятности наступления вреда (Р) и его возможных масштабов (L) неизбежно опирается на сложные математические модели, характеризующиеся высокой степенью неопределенности и вероятностным характером выводов². В то же время бремя предотвращения вреда (В) предполагает учет масштабных экономических издержек, связанных с трансформацией многих отраслей.

При оценке разумности своего поведения делинквент не вправе ограничиваться учетом лишь собственных издержек, он должен принимать во внимание и внешние социальные издержки, порождаемые его деятельностью. Если затраты на предотвращение существенного потенциального вреда являются оправданными, на него возлагается обязанность понести такие расходы; напротив, при их явной несоразмерности с учетом вероятности и тяжести возможных последствий такая обязанность не возникает. В этом смысле одна из ключевых функций деликтного права состоит в обеспечении максимизации общественной полезности: когда совокупные потери от причиняемого вреда превышают затраты на его предотвращение, право склонно возлагать ответственность на делинквента³.

В контексте изменения климата развитие научного знания в последние годы существенно трансформирует исходные предпосылки подобного анализа, последовательно смещая элементы формулы Л. Хэнда в сторону признания ответственности⁴. Риски, связанные с климатическими изменениями, приобретают все большую определенность, тогда как вероятность и масштаб последствий оказываются значительно выше по сравнению с прежними представлениями. Об этом, в частности, свидетельствует эволюция научной оценки влияния человеческой деятельности на климат, отраженная в докладах ИРСС. Если на ранних этапах соответствующее влияние характеризовалось в вероятностных терминах – от «скорее да, чем нет» (*more likely than not*) до «вероятно» (*likely*), – то в новейших докладах

¹ Restatement (Second) of Torts. § 291. St. Paul, Minn.: American Law Institute Publishers, 1965.

² Hunter D., Salzman J. Op. cit. P. 116.

³ Более подробно см.: Кутер Р., Улен Т. Право и экономика / пер. с англ.; под науч. ред. Д. Раскова; при участии М. Тимофеева. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 267–327.

⁴ Hunter D., Salzman J. Op. cit. P. 117.

2021–2023 гг. оно уже квалифицируется как несомненное (*unequivocal*), в том числе в отношении усиления экстремальных климатических явлений¹.

При этом уже в 2001 г. *IPCC* пришел к выводу, что изменение климата оказывает различное воздействие на широкий спектр природных систем: «Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что региональные изменения климата, в особенности повышение температуры, уже повлияли на разнообразные физические и биологические системы во многих частях мира. Примеры наблюдаемых изменений включают сокращение ледников, таяние вечной мерзлоты, более позднее образование и более раннее разрушение льда на реках и озерах... В большинстве случаев, когда фиксируются изменения в биологических и физических системах, их направление соответствует ожидаемому на основе известных механизмов. Вероятность того, что такие изменения могли произойти случайно, ничтожно мала»².

Итак, антропогенный характер изменения климата в настоящее время может считаться установленным с высокой степенью научной достоверности. Это отражает параметр вероятности (*P*) в формуле Л. Хэнда. Каковы же последствия его изменения, по сути, величина *L*?

Существующие оценки вреда демонстрируют значительную вариативность. По мнению большинства исследователей, они находятся в диапазоне от 0 до 3% мирового ВВП³. В наиболее цитируемом исследовании, У. Нордхаус оценивает глобальные издержки примерно в 2,4% мирового ВВП, что эквивалентно приблизительно 30 долл. США за тонну углерода⁴. Есть и более пессимистичные сценарии – от 5 до 20% мирового ВВП к 2100 г.⁵

В этой связи внимание требует описание вреда в исковых заявлениях по климатическим спорам. Так, в деле *Connecticut v. American Electric Power* истцы стремились конкретизировать негативные последствия региональных климатических изменений, указывая, в частности, на сокращение снежного и ледяного покрова; рост смертности и угроз общественному здоровью вследствие тепловых волн и смога; негативное воздействие на прибрежные экосистемы, обусловленное штормовыми нагонами и повышением уровня моря; а также ускорен-

¹ См.: Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Summary for Policymakers. P. 4.

² Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate Change 2007: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Working Group II Contribution to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 2. (https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/ar4_wg2_full_report.pdf).

³ Hunter D., Salzman J. Op. cit. P. 121.

⁴ Более подробно см.: Nordhaus W., Boyer J. Warming the World: Economic Models of Global Warming. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

⁵ Hunter D., Salzman J. Op. cit. P. 122.

ное сокращение лесных ресурсов¹. Интересно, что здесь потерпевшие выбирают оценивать вред не в мировом масштабе, а делают акцент именно на региональных изменениях, что свидетельствует об их стремлении преодолеть абстрактность климатического вреда.

Аналогичный подход к конкретизации вреда прослеживается и в исковом заявлении по делу *California v. General Motors Corp.*² В нем указывается, что глобальное потепление уже причиняет ущерб штату Калифорния, его окружающей среде, экономике, а также здоровью и благополучию населения. В числе последствий, обусловленных антропогенным изменением климата, называются сокращение снежного покрова – ключевого источника пресной воды, более раннее его таяние, повышение уровня моря вдоль побережья штата, рост озонового загрязнения в городских районах, увеличение риска лесных пожаров, а также необходимость несения значительных бюджетных расходов, связанных с оценкой указанных эффектов и подготовкой к их дальнейшему усилению.

Далее исковое заявление содержит более детализированное описание соответствующих затрат. В частности, указывается на необходимость финансирования мероприятий по укреплению дамб в целях предотвращения проникновения морской воды и иных последствий повышения уровня моря, а также возмещение расходов на реализацию программ по сохранению пляжей, направленных на борьбу с эрозией береговой линии.

Одновременно технологический прогресс ведет к снижению издержек предотвращения вреда (В) – последний элемент в формуле Л. Хэнда. Так, удешевляются технологии контроля выбросов, улавливания и хранения углерода, расширяются возможности перехода на альтернативные виды топлива и возобновляемые источники энергии³. В совокупности это усиливает аргументы в пользу возложения на эмитентов обязанности по принятию превентивных мер. В исковых заявлениях это положение получает следующее развитие: «Ответчики располагают практическими, реализуемыми и экономически целесообразными возможностями сокращения выбросов углекислого газа без существенного увеличения стоимости электроэнергии для потребителей. К таким мерам относятся переход на иные виды топлива, повышение эффективности, увеличение доли генерации из источников с нулевыми или низкими выбросами углерода (таких как ветровая и солнечная энергия, а также газифицированный уголь с улавливанием выбросов), совместное сжигание древесины или иной биомассы на угольных электростанциях, применение методов управления спросом, изменение поряд-

¹ *American Electric Power Co. v. Connecticut*, 564 U.S. 410 (2011) (<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/564/410/>).

² *California v. General Motors Corp.* – Complaint // https://www.climatecasechart.com/documents/california-v-general-motors-corp-complaint_5096.

³ *Hunter D., Salzman J.* Op. cit. P. 117.

ка загрузки электростанций и другие меры... Ответчики могли бы производить тот же объем электроэнергии, существенно снижая выбросы углекислого газа, посредством использования уже доступных процессов и технологий»¹.

Таким образом, соотнесение всех элементов формулы Л. Хэнда в целях установления обязанности действовать осмотрительно в конкретном споре представляется принципиально возможным.

2. Следующим способом констатации обязанности действовать осмотрительно выступают так называемые многофакторные тесты, выработанные судебной практикой². В их рамках наличие соответствующей обязанности определяется с учетом совокупности обстоятельств, к числу которых, в частности, относятся:

- а) предсказуемость вреда для потерпевшего;
- б) степень уверенности в том, что истец действительно понес вред;
- в) характер причинной связи между поведением ответчика и негативными последствиями;
- г) моральная упречность поведения делинквента;
- д) превенция будущего вреда;
- е) объем бремени, возлагаемого на ответчика, а также возможные последствия для общества в связи с установлением соответствующей обязанности и ответственностью за ее нарушение;
- ж) наличие, стоимость и доступность страхования соответствующих рисков.

Некоторые из этих элементов уже были рассмотрены в рамках анализа формулы Л. Хэнда. Так, предсказуемость вреда и степень уверенности в том, что истец действительно его понес, была рассмотрена в контексте вероятности вреда (Р и L), тогда как объем бремени, возлагаемого на ответчика, оценивался через призму показателя В.

Наибольший интерес здесь вызывает характер причинной связи, поскольку в экологических спорах значение этого критерия существенно усложняется. Негативные последствия климатических изменений, как правило, удалены от источника выбросов как во времени, так и в пространстве. Кроме того, выбросы конкретного ответчика неизбежно смешиваются в атмосфере с выбросами множества иных субъектов, в результате чего его вклад в причиненный вред обычно составляет лишь относительно небольшую долю совокупного ущерба³. Дополнительные трудности обусловлены тем, что наблюдаемые климатические изменения являются результатом накопленного эффекта как текущих, так и исторических выбросов. В совокупности это делает рассматриваемый фактор одним из

¹ Complaint at 1, *Connecticut v. American Electric Power Co.*, 406 F. Supp. 2d 265 (S.D.N.Y. 2005) (цит. по: *Hunter D., Salzman J. Op. cit. P. 126*).

² *Vu v. Singer Co.*, 538 F. Supp. 26, 29 (N.D. Cal. 1981) (<https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/538/26/2296164/>).

³ *Hunter D., Salzman J. Op. cit. P. 130*.